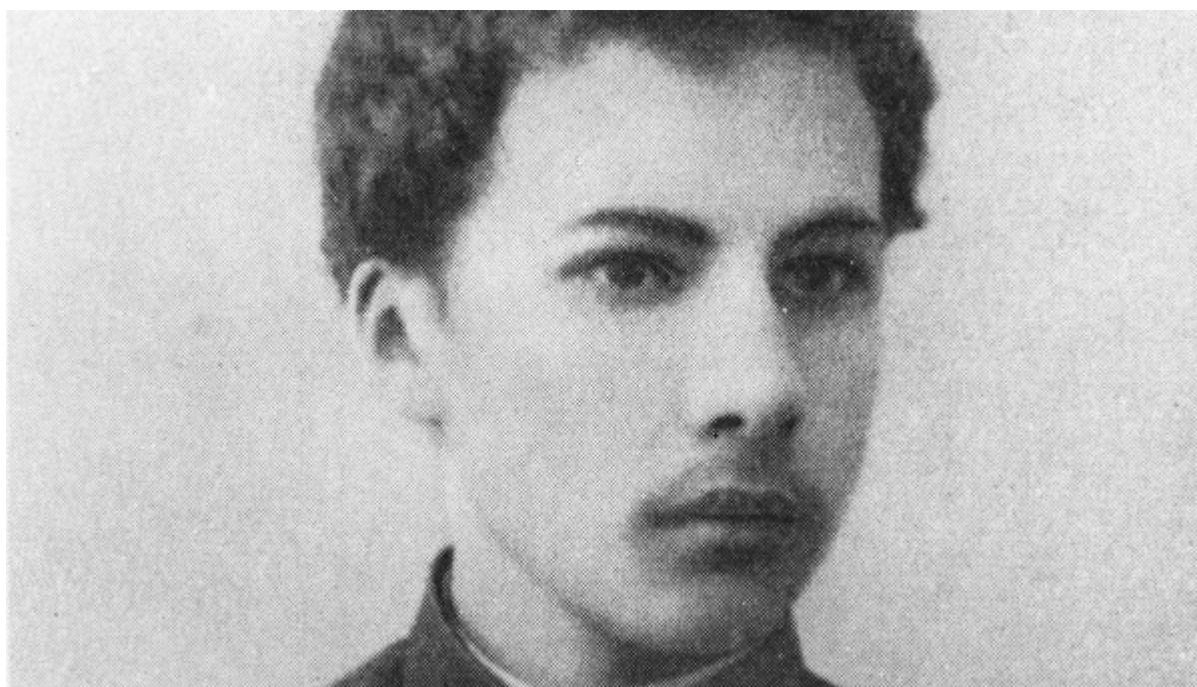

«Гоголек» | « Un petit Gogol »

Author: Жорж Нива , [Женева](#) , 10.11.2015.

Андрей Белый

Наша недавняя публикация к юбилею Андрея Белого побудила профессора Жоржа Нива поделиться собственными воспоминаниями, связанными с поэтом и философом.

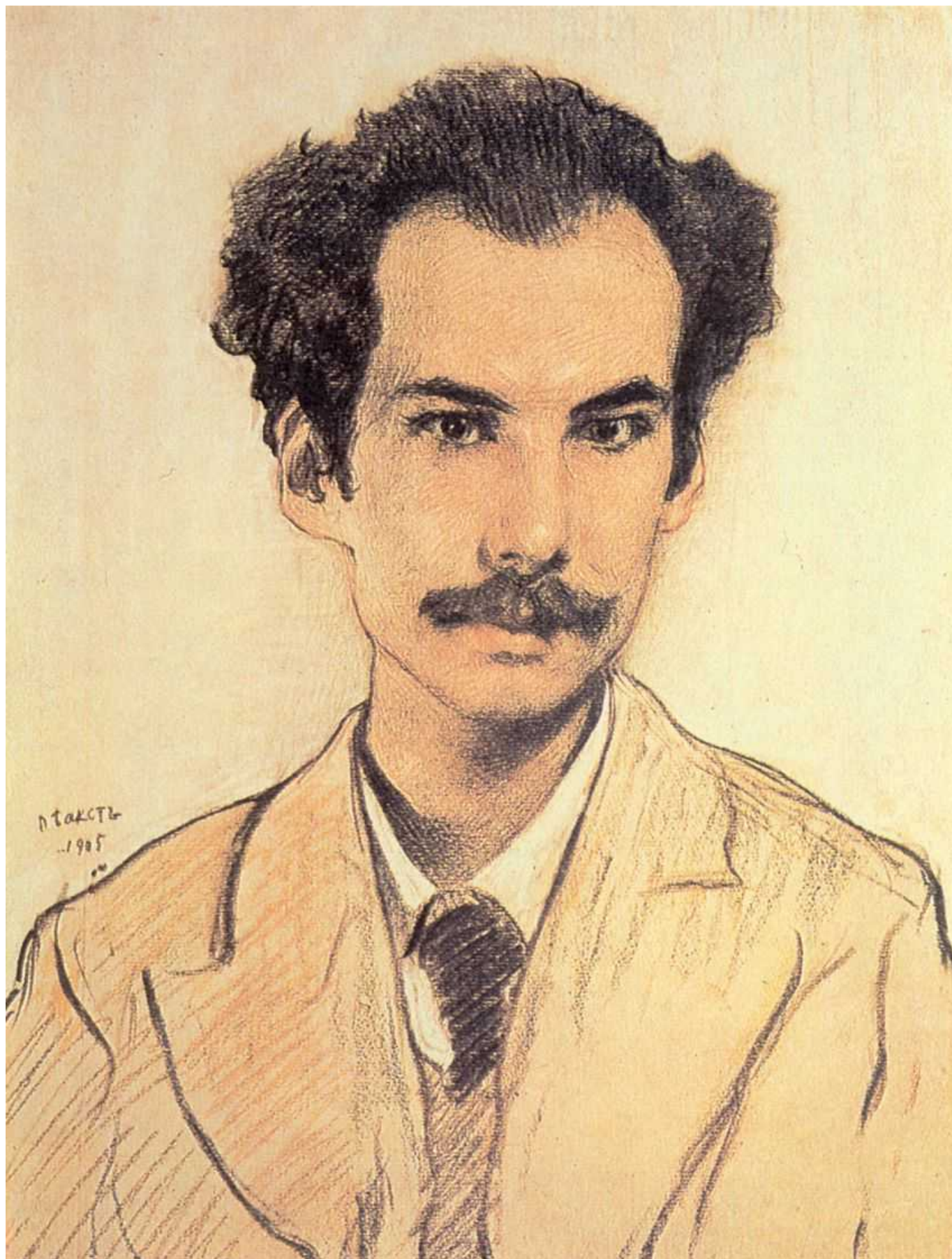
|

Notre récente article consacré au jubilé d'Andreï Bely a motivé professeur Georges Nivat de partager ses propres souvenir liés à ce poète et philosophe.

« Un petit Gogol »

Летом 1972 года, в Большой Ижоре, на берегу Балтийского моря, я навестил старую даму. Мне сказали, что она была ученицей Андрея Белого. А Андрея Белого я обожал, переводил его роман «Петербург» на французский язык (вместе со своим другом Жаком Катто), переводил и аннотировал «Котика Летаева» (Анна Тургенева, «Ася», первая жена поэта, подарила мне в Дорнахе рисунки Белого для иллюстрации книги). Но о Нине Ивановне ничего не знал.

Дом ее стоял на самом берегу моря. Липовая аллея вела прямо к воде. Все дышало жарким и счастливым летом. Я удивлялся, как одна дама могла в тогдашней советской России занимать целый дом! «Дом построил папа», - сказала она. А папа ее был врачом и революционером. Вернувшись из второго лагеря (первый был на Колыме, второй – в Мордовии), дочь его, зечка с двойным стажем, этнограф по профессии, потребовала вернуть ей дом. Возможно, помогла аура бывшей зэчки, эмоционально рассказывала Нина Ивановна. Я переходил от удивления к удивлению. «Но Вы ради Андрея Белого ко мне?» - вдруг спросила она.

Леон Бакст. Портрет Андрея Белого

Через час я понял, что в 1920 году она не только стала посещать семинары Белого в Географическом обществе (в рамках ВольФилы, или Вольной Философской

Ассоциации в Ленинграде) – один о русском символизме, второй о «культуре духа». И не только она не скрывала, что была безумно влюблена в поэта. На Колыме она вспоминала его и писала (в уме) нехитрые стихи:

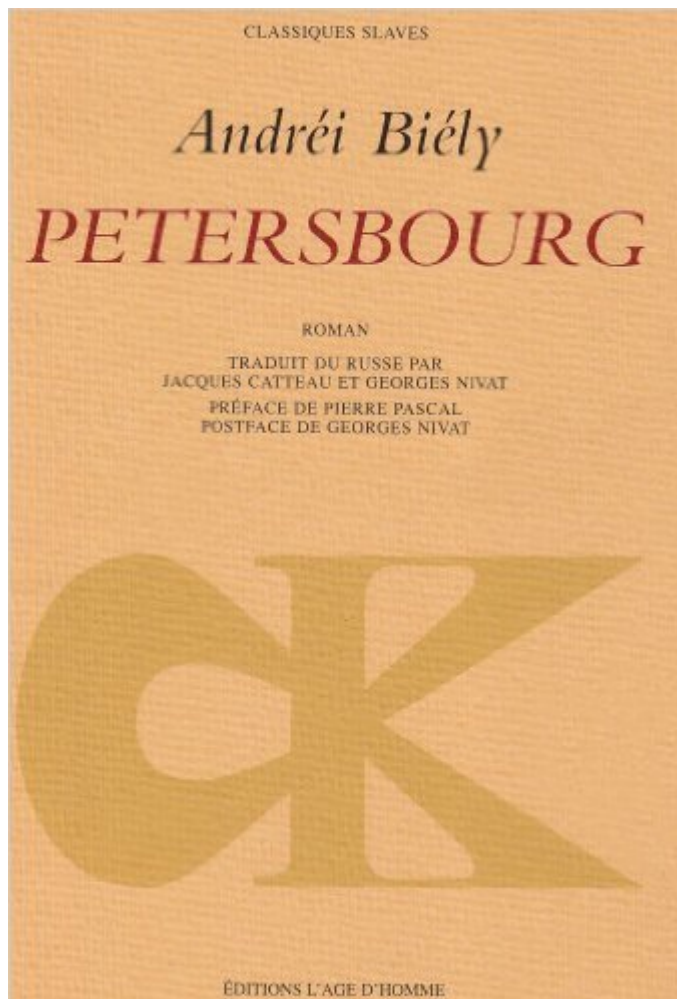
*Не пролей!
Я поставлю тебе на ладони
Сосуд до краев налитой.
Это сердце мое.*

Из многих других псевдонимов Борис Николаевич Бугаев окончательно выбрал «Андрей Белый», чтобы не гневить своего папу-математика публикацией своей символистской белиберды. Как Ася Тургенева, как Клавдия Николаевна, Нина Ивановна увлеклась антропософией. Ася ей полностью посвятила жизнь. Клавдия Николаевна сидела в тюрьме вместе с другим членами московской Антропософической Группы. Для Нины Ивановны то было временное увлечение.

А антропософия до и после Первой мировой войны не только овладела многими умами (Волошин, Кафка), но и лечила людей от страха и апокалипсических предчувствий. В лице Белого она приняла оттенки гениальности, ибо Андрей Белый вытанцовывал, выплясывал, выкрикивал это чувство «Angst», как говорят по-немецки. Николай Бердяев определил «Петербург» как «поэму страха». Она действительно построена на страхе. Но не столько в фигуральном смысле, сколько в буквальном, людоедском смысле. Сын сенатора поглощает бомбу, которую ему «доверил» подпольный террорист. И бомба тикает у него в желудке. А он ждет взрыва. Страх его съедает.

«Это ожидание тикало в самом Андрее Белом. Бомба тикала то дактилем, то анапестом, то амфибрахием, ибо никто не знал, каким ритмом он станет говорить, когда откроет тебе дверь», - вспоминала Нина Ивановна.

Странное сплетение ритма (ритмической прозой написано поэтом все) с предчувствием конца света (в канун революции «Апокалипсис» была любимой книгой как символистов, так и террористов), да еще с гностическим ощущением мира (сказывается влияние Штейнера и его антропософии: микрокосм атома души связан с макрокосмом Вселенной). В этом странном сплетении и есть Андрей Белый!

Роман "Петербург" в переводе Ж. Нива и Ж. Катто

Он пытался стать советским попутчиком, по совету Льва Троцкого с товарищами. Это дало нам марионеточный мир романов из серии «Москва», где господствует жестокость и царит палач. Приведу еще стихи Нины Ивановны Гаген-Торн, написанные в Гулаге:

*В нем стихи – как в стакане открытом,
В нем мысли – чайнками плавают.*

И действительно, плавают. Целостность романного мира уже не держится на диалогичности, как у Достоевского, или на суверенном взгляде автора-бога свыше, как у Толстого, но на бесконечной раздробленности идеограмм.

Поэтому тот, кого Мандельштам назвал «собиратель пространств, экзамен сдавший птенец», тот «гоголек», который «заводил свой кавардак на Москве» - один из тех, кто лучше всего, трагичнее, чем Джойс и менее трагично, чем Цейлан, превратил гибель гуманизма в гибель литературных традиций.

CLASSIQUES SLAVES

Andréi Biély

*KOTIK
LETAIEV*

TRADUIT PAR GEORGES NIVAT
SUIVI DE GEORGES NIVAT :
LE PALIMPSESTE DE L'ENFANCE

EDITIONS L'AGE D'HOMME

"Котик Летаев" в переводе Ж. Нива

Когда я предложил Белого своему руководителю Николаю Каллиниковичу Гудзию как тему своей стажерской работы, он возразил: «Он у нас не совсем запрещен, но и не рекомендуется. Возьмите скорее Брюсова, он-то стал коммунистом». Я не послушал своего руководителя.

Белый не был полностью запрещен, но был в опале, был забыт. Вехой в его возвращении к жизни и к читателю стал том «Библиотеки поэта» (большая серия) в 1966 году под редакцией Т. Хмельницкой. В январе 1974 года Хмельницкая устроила у себя, вместе с Ниной Гаген-Торн, вечер памяти Андрея Белого по случаю сорокалетия со дня его смерти. Участвовали два молодых будущих «беловеда» - С. Гречишкин и А. Лавров (ныне академик).

Второй вехой стала публикация романа «Петербург» в серии «Литературные памятники», под редакцией Л. Долгополова и под патронатом академика Д.С. Лихачева. Это издание, щедро (возможно, слишком щедро) оснащенное вариантами и примечаниями, через двадцать лет возьмет в руки А.И. Солженицын. В «Литературной коллекции» он жалуется на этот громоздкий критический аппарат - он любит «буйным и нервным потоком», но раздражен бесконечными повторами и психоаналитической трактовкой терроризма. Перед лицом *salto mortale* Белого автор «Красного колеса» колеблется между очарованностью и раздражением.

Эта встреча старого мэтра, который сам вводит крайнюю фрагментарность в свои огромные повествовательные постройки, с хрупким и лихорадочным «поэтом страха» сама по себе интересна и выделяется из общего контекста «рецепции» Андрея Белого. Белый сегодня в России изучен со всех сторон. Мы получили, например, огромный том «Смерть Андрея Белого» (составители Моника Спивак и Елена Наседкина), с хроникой умирания, с поминаниями «по-советски», со взглядами из России и из-за границы (Ходасевич, Цветаева, Степун, Оцуп, Глеб Струве и многие другие). Это интереснейший сборник и источник сведений. Удивительно, что почти все чувствовали гениальность Белого, а человека в нем ощущали с трудом. Как волшебник, он, пишет Юрий Иваск, «омузыкаливал» и поэзию, и прозу, но страдал оттого, что «недовоплотил».

Да, Белый оказал большое влияние на первую советскую прозу, на прозу 1920-х годов. Но его возвращение на литературную сцену имело скорее академический характер и вряд ли может быть оценено, как живое вливание в современную литературу. Наверное, потому, что именно как человек он еще мало понят.

Больше, чем кто бы то ни было, он ощущал давление «новой Ассирии» и трагически хлопал крыльями, как птица в клетке. «Безответственность» его была скорее высшей формой ответственности: он задыхался. Застрял в бурю не перевале.

Именно этой поразительной неудачей он нам близок, в силу ее он остается нам нужен.

[русская литература в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Швейцарский след Андрея Белого](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/20642>